

периода нужно установить формы и интенсивность взаимовлияния и взаимопроникновения этих поэтических слоев. Отношения демократической поэзии к поэзии устной в XVII в. «были очень неустойчивы. Демократическая поэзия постоянно колебалась между книжной поэзией и поэзией устной. Поскольку произведения устной поэзии в это время начали записывать и переписывать, они становились уже явлениями не только фольклора, но и литературы. В эти записи, как и в возникавшие на устнопоэтической основе литературные произведения, иногда проникали книжные элементы. Но в целом они оставались по своей поэтике ближе к устной традиции. Эта традиция преобладала и в поэтической системе демократической литературной поэзии».⁵⁶

С другой стороны, известно немало фактов, когда вирши «опускались» в народную поэзию: это относится и к книжным песням, о которых уже говорилось, и к некоторым старообрядческим духовным стихам («... сборники духовных стихов, известных у старообрядцев, представляют как бы слияние старых и новых поэтических элементов: здесь и остатки виршевой поэзии юго-западной России в неизменном, почти неприкосновенном виде, как и в других сборниках XVIII в., и наряду с этим — переработки, или вернее подражания, с новым содержанием ... В заключение — ряд бытовых и исторических вирш, отражающих как события умственной и внешней жизни раскола, так и события общерусского народного значения»)⁵⁷.

Наконец, поэзия XVII в. должна изучаться в соотношении с прозой. Отношение к стихотворству его творцов не было неизменным на протяжении конца XVI—XVII в. Если К. Транквиллион считал стихи украшением мысли, «сладкой мовой под метри», не придавая этому самодовлеющего значения, то столетие спустя Феофан Прокопович уже отождествлял литературу и поэзию, считая, что лишь последняя может быть названа «искусством изображать человеческие действия и художественно изъяснять их для назидания в жизни».⁵⁸ Курс поэтики, читавшийся Феофаном Прокоповичем в 1705 г., уже содержал основные положения эстетики классицизма, в общем игнорировавшего прозу. Разработки в этом направлении должны вестись одновременно с анализом силлабической поэзии «изнутри» — выяснением круга проблем, которые ее интересовали, классификацией по жанрам, изучением художественных приемов и средств. Обилие виршей, писавшихся буквально по каждому поводу, наводит на мысль, что русские виршевики XVII в. ставили перед собой задачу создания литературы.

Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии». — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 142—148; В. А. Позднеев. Стихи «прибыльные» в списке XVI в. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 309—310.

⁵⁶ В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев. Русская демократическая поэзия XVII века, стр. 17.

⁵⁷ В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I. СПб., 1900, стр. 418.

⁵⁸ Феофан Прокопович. Сочинения, стр. 346. Любопытные данные по этому вопросу см.: В. Н. Мочульский. Осношение южнорусской схоластики XVII в. к ложноклассицизму XVIII в. — ЖМНП, 1904, август, отд. II, стр. 361—379 (также отдельный оттиск: СПб., 1904, стр. 21).